

Сергей Панасенко

**Грин, я и Бегущая по
волнам. Книга первая**

FLAGMONT

Сергей Панасенко

Грин, я и Бегущая по волнам. Книга первая

<https://litres.ru/74389692>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что происходит, когда несбывшееся буквально врывается в серую реальность обычного мегаполиса? Жизнь главного бухгалтера Василия рушится в один день: отказавшись от грязной финансовой аферы босса, он теряет работу, стабильность и опору. Но именно в этот момент пустоты на его пути встает рыжеволосая Дэзи, а в кухонной тишине раздается хриплый, прокуренный голос самого Александра Грина.

Это не просто приключенческий роман и не классическое фэнтези. Это глубокая метапроза, где границы времен стерты: Киев девяностых и Старый Крым тридцатых годов соединяются через синюю пасту шариковой ручки.

Перед вами — злой, честный и трагический реализм Александра Грина, очищенный от глянцевого мифа о «сказочнике». Книга о мире, чье главное свойство — амбивалентность. О мире, где внешнее поражение становится внутренней победой, если человеку удалось сберечь свой

невидимый внутренний огонек до самого конца. Добро пожаловать на территорию живой литературы.

Сергей Панасенко

Грин, я и Бегущая по волнам. Книга первая

Грин, я и Бегущая по волнам.

Книга первая.

Первые три части романа.

Часть первая.

Вторжение.

Глава первая.

Я теряю память.

На выходе из метро меня окликнули.

Я обернулся.

Сидящая на скамейке у фонтана рыжеволосая девушка в белой блузке помахала рукой:

-- Как живешь, Вася?

Незнакомка с голубыми глазами и лучезарной улыбкой смотрела на меня так, будто мы расстались только вчера.

Она засмеялась:

-- Не узнаешь?

--А разве мы знакомы?--я в ступоре все еще стоял в нескольких шагах от нее.

– И ты еще спрашиваешь! Иди ко мне, я не кусаюсь, –

снова засмеялась она.

Я медленно подошел к ней и сел рядом.

— И не стыдно тебе забывать старых друзей, Вася?-- в глазах у нее заблестели смешинки.

-- Но я действительно не могу вспомнить,-- смущенно пробормотал я.

-- И это говоришь ты, с которым я в Форосе пила на брудершафт! -- весело возмущаясь и ударяя легонько меня по плечу воскликнула она.

-- Но я никогда не был в Форосе и никогда ни с кем во всем Крыму не пил на брудершафт, -- возразил я.

--Этого не может быть! -- заявила она.-- У меня прекрасная память на лица.

Я смотрел на нее во все глаза и ничего не мог вспомнить.

-- Между нами что-то было? – после паузы пролепетал я.

Ее лицо, глаза, нос, губы, волосы, фигура, ничто, буквально ничто не напоминало мне, что с этой красивой девушкой в Крыму у меня что-то было.

-- Так ты и правда не помнишь?!-- вдруг вспыхнула она.-- Ну вспомни, Василий!

Но я не помнил.

Я только смотрел и качал головой.

— Как вас зовут?

-- Дэзи, -- улыбнулась она.-- И тебе ничего не говорит мое

имя?

-- Вы иностранка?

-- Это неважно. Важно, что ты слышал мое имя.

-- Слышал? Когда же?

-- Ты ведь любишь Грина! Да или нет?

-- Грина? Писателя Александра Грина? Да, люблю, очень люблю. Так вы Дэзи?..

Постой, постой...

Ведь так звали героиню его романа "Бегущая по волнам"!

Это твое настоящее имя?

-- Да, настоящее!

-- Так где же мы все-таки с тобой познакомились, Дэзи?--
потерял я свой лоб.

-- Я же тебе уже сказала! Это произошло в Форосе.

-- Хорошо, Дэзи, допустим. А как именно мы с тобой познакомились в Форосе?

-- Ты лежал и читал "Бегущую по волнам", а мой лежак был рядом, и я спросила, нравится ли тебе эта книга. С этого все и началось.

-- Все это что, Дэзи?

-- Ну как же ты не понимаешь! -- она даже притопнула ножкой.

-- Но я не был на пляже в Форосе и не читал там Александра Грина! -- вскрикнул я.-- Дэзи, ты меня с кем-то путаешь!

-- Ничего я не путаю! Разве ты не говорил мне, что лю-

бишь Крым, а Грин твой любимый писатель, что впервые ты открыл Грина, когда тебе было 9 лет и ты запоем прочитал "Алые паруса", "Золотую цепь" и "Дорогу никуда"?

-- Это правда, но откуда тебе все это известно? Может, ты наконец скажешь мне правду?

-- Я тебе говорю правду! Посмотри на этот амулет, -- и она показала мне небольшой блестящий амулетик округлой формы,

висевший на тонкой золотой цепочке у нее на шее. -- Ты должен его помнить. Я рассказывала тебе его историю. Ты помнишь его?

-- Я не могу его помнить или не помнить, Дэзи, потому что я вижу его впервые!

Я замолчал, а грудь Дэзи вздымалась, она явно хотела, чтобы я рассмотрел амулет.

– Ну, хорошо, Дэзи, – сдался я. -- Дай мне получше разглядеть его.

Дэзи с облегчением сняла амулет с шеи, протянула его мне и с интересом стала наблюдать за мной.

Я бережно взял амулет в руки и начал его рассматривать. Камешек был ярко красным с оранжевыми и желтыми вкраплениями. Его гладкая поверхность переливалась на солнце, а сам он оказался теплым, еще до того, как я сжал его в своей ладони. Когда мои пальцы сомкнулись, он стал горячим. Это было очень необычное ощущение.

Из камешка исходила какая-то очень мощная энергия, ко-

торая одновременно и успокаивала и внушала уверенность, и бодрила, сердце радостно забилося, а окружающий мир вдруг потерял привычные очертания, стал расплываться и сквозь эту дымку я вдруг узнал все сразу: и галечный пляж в Форосе, и спокойное июльское море, безмятежно лежащее в каменистой бухточке, словно в оправе, и прекрасную девушку в голубом открытом купальнике, с улыбкой показывающую мне этот амулет.

Внезапно наваждение схлынуло и я вновь вернулся в мир реальности, где был тенистый бульвар, журчащий фонтан, выход из метро, прогуливающаяся толпа, играющие дети, мамы с колясками, скамейка и рыжеволосая улыбчивая девушка.

Часть первая.

Вторжение.

Глава вторая.

Я узнаю Дэзи.

Я ошеломленно оглянулся по сторонам, посмотрел на Дэзи и сказал:

-- Как странно!.. Со мной произошло что-то невероятное...

-- Что ты видел, расскажи мне, милый.

-- Я увидел нас с тобой на пляже в Форосе и ты мне рассказывала об этом камне. Но как такое возможно? Это же

просто камень, хоть и необычный, но он же не волшебный, волшебство бывает только в сказках!

-- Ты ошибаешься, милый,

-- Дэзи мягко улыбнулась и снова повесила себе на шею необычный талисман.

-- В жизни иногда чудеса встречаются, и их невозможно объяснить, на то они и чудеса. Я только не могу понять, как ты мог забыть все, что с нами было.

-- Я ничего не помню, Дэзи.

Огромный пласт моей жизни выпал из моей памяти.

Помоги мне, Дэзи.

-- Я помогу тебе, Вася, -- Дэзи накрыла мою ладонь своею и голос ее дрогнул от нежности и боли, -- но и ты должен помогать мне. Я не знаю, почему это случилось с тобой. Но за этим что-то кроется.

--Кто ты, Дэзи? Уж не колдунья ли ты?-- невесело пошутил я.

Дэзи очень внимательно посмотрела на меня, в ее глазах на мгновение вспыхнул странный синий огонек, она помолчала, раздумывая, и, как мать разговаривает с обеспокоенным ребенком, мягко сказала:

-- Я просто умею чуть больше, милый, чем умеют обычные люди, только и всего.

Я сидел потрясенный.

-- Почему же тогда прямо сейчас ты не можешь проникнуть в мое сознание и прочесть, кто и как заблокировал часть моей памяти, связанную с тобой, и разблокировать ее самостоятельно без моей помощи?

Дэзи задумалась над ответом, нахмурила лоб, помолчала, а потом, с трудом подбирая слова, сказала:

-- Иногда память закрывается не случайно... Может, так должно было случиться.

--Случиться?!

Я обомлел.

-- Но почему, Дэзи?

--Мы это узнаем, милый,-- она ласково погладила мою щеку-- всему свое время.

-- Я тебе верю, Дэзи.

Голос мой дрогнул. Я посмотрел на фонтан.

Дэзи улыбнулась:

– А ты все такой же!

Я взял себя в руки и сменил тему.

– А как относятся к твоим способностям твои родители?

Они знают о них? Кстати, кто они?

– Я не могу пока всего тебе объяснить, милый,–

снова улыбнулась она.-- Ну, мне пора. Приходи завтра в это же время на это место. Я буду тебя ждать.

Она протянула мне руку, затем взлохматила мои волосы, поцеловала в щеку, быстро вскочила со скамейки и не успев оглянуться, как она скрылась за дверями метро.

Часть первая.

Вторжение.

Глава третья.

Паранормальное продолжается.

Я долго сидел на скамейке, углубясь в себя и ничего не замечая вокруг.

Опомнился лишь тогда, когда сумерки спустились на

огромный город и он весь озарился вечерними огнями.

Я встал и поехал домой.

Ночью я долго не мог заснуть, сон пришел только под утро.

Полуденный зной разбудил меня и я взглянул на часы.

До свидания оставалось еще несколько часов и я решил перечитать "Бегущую по волнам", с первых же строк окунувшись в завораживающую атмосферу книги.

Время промелькнуло как чайка, и я увидел, что мне пора ехать.

На месте я был в срок, но скамейка была пуста, а Дэзи нигде не было.

Томясь, я прождал ее до темноты, но она так и не появилась.

Вокруг сновала толпа, мужчины читали газеты, дети катались на роликах, бабушки кормили голубей, пары обнимались и целовались, а я исходил тоской и тревогой.

И снова спустились сумерки.

Я поплелся домой, и наскоро перекусив, рухнул в кровать и моментально заснул.

Мне приснилось, что я плыву на великолепном паруснике в поисках таинственной Биче Сениэль. Лишь потом я понял, что это был не Томас Гарвей. Это был я.

Это меня злодей капитан Гёз ссадил с корабля, это ко мне в шлюпку спустилась легендарная Фрэзи Грант, и это меня спасла шхуна “Нырок”, на которой я познакомился с чудесной Дэзи и поплыл вместе с ней в далекий Гель-Гью.

Но и после моего пробуждения волны синего моря еще долго били мне в стены, мою каюту раскачивало, а склянки отбивали положенное время.

Было еще что-то очень важное в моем сне, но это важное ускользало от моего сознания.

Я пил сладкий чай, снова и снова пытаюсь вспомнить, но вспомнить не мог.

И когда я махнул рукой, прекратив безуспешные попытки, я внезапно вспомнил как озарение два связанных на мой взгляд события из моего сна.

Первое – это поведение Фрэзи Грант.

Не могу вспомнить, говорила ли она со мной в точности как с Гарвеем, или не говорила совсем, или говорила что-то другое, не то, что Гарвею.

Но вспомнил точно ее слова, обращенные ко мне, сказанные не ночью при свете свечи, как в книге, а почему-то на фоне занимающейся зари:

–Вы не Гарвей, но это неважно.

А потом была ее полуулыбка, прощальный кивок и бег по волнам.

Я даже не успел осознать ее слова, как почти сразу в шлюпке появился другой человек, высокий, худой, с изможденным лицом.

Он проявился, как проявляется фотография на пленке.

Я сразу узнал его.

Это был Александр Грин.

Он был суров и печален.

Его пристальный взгляд пронизывал меня насквозь.

Он молчал.

Молчал и я.

Потом глаза его потеплели.

И только после этого он улыбнулся.

Его лицо разгладилось, а глаза посветлели еще больше.

Так глухая беспросветная ночь постепенно уступает место ясному утру.

А потом он сказал своим прокуренным голосом:

-- Теперь я понял, почему вас выбрала Дэзи.

И медленно растворился в воздухе.

Я все еще сидел за кухонным столом, но был в полной прострации.

Время остановилось.

Но кому-то или чему-то всего этого показалось мало.

Я вдруг услышал тот же хриплый голос курильщика, , который отозвался прямо в моей голове: "Мой эпиграф".

Это было слишком!

Я вскочил из-за стола.

Чашка с недопитым чаем и сахарница со звоном разлетелись на куски.

Каким силам я понадобился так срочно?

Сначала Дэзи, потом амулет, потом сон, потом Фрэзи, потом Грин...

Спокойно, Василий.

Вдох-выдох, вдох- выдох... Вернулась способность трезво рассуждать.

Если не померещилось, если это и не слуховая галлюцинация, то о чем говорил Грин?

Об эпиграфе к "Бегущей по волнам"?

Или к другой своей книге?

Скорее все же к "Бегущей".

Но зачем?

Что могло скрываться в нескольких строках, которые, казалось, были известны каждому,

кто читал эту книгу?

Часть первая.

Вторжение.

Глава четвертая.

Грин и его “Мой эпиграф”.

Прошло не меньше часа, прежде, чем я полностью привел мысли в порядок.

Хотелось определиться, чем следовало заняться в первую очередь.

Дома у меня был телефон, но его номером Дэзи не интересовалась, значит, или она его знала, как знала всю мою жизнь, или не считала нужным мне звонить.

И из всего навалившегося на меня за последние три дня для начала я решил сосредоточиться на эпиграфе Грина.

Почему из всего романа он выделил эпиграф к нему как самое важное, а не что-либо иное в самом романе, скажем, какую-нибудь авторскую ремарку или фразу одного из его героев?

И почему не просто “эпиграф”, а именно “мой” эпиграф?

Разве эпиграф к роману взят из книг самого Грина, является его собственным сочинением?

Нет, это не так.

Грин не сочинил слова эпиграфа, он просто взял их у кого-то другого, причем эти чужие слова показались ему настолько важными, что он взял их в качестве эпиграфа к своей очень сложной книге, в которой многие видят лишь Зов Несбывшегося, хотя и это тоже немало, но, может быть, этим Зовом Несбывшегося не исчерпывается тайна этого романа, может быть другой, более глубокий уровень, а мы только скользим по поверхности, когда говорим, что в каждом из нас подспудно живет этот Зов и нужно услышать его и следовать за ним, и тогда мы познаем тайну своего существования.

А не слишком ли просто мы толкуем Грина, одного из самых неразгаданных писателей двадцатого века?

Многие писали о нем, что видеть в нем простого сказочника или даже писателя, чья философия ограничивается призывом верить в чудо, следовать за своим сердцем, находить красоту везде, быть бесстрашным искателем истины и неутомимым путешественником, это сильное упрощение Грина, метафизика которого сродни мистическим творениям философов, которые искали суть явлений не вовне, а внутри, исследовали природу добра и зла не в антагонизме добрых злых людей, а на уровне той вечной борьбы, которая ведется в душе каждого человека и никогда не заканчивается.

Я много читал Грина, и не только его, поэтому чувствовал

верность своих догадок.

Грин бывает глубок даже там, где от него первоначально не ждешь никакой глубины. С возрастом приходит это понимание, но я не литературовед, хотя без ложной скромности, и мог бы им стать, если бы раньше слушал свой Зов Несбывшегося. Я никогда бы не стал обыкновенным бухгалтером, кем в настоящее время и являлся. Моя работа мне нравилась, но все же это было не то, это не было Призванием моей жизни.

И сейчас, после встречи с Дэзи, после встречи с Грином, после слов о “Моем эпитафье” мне до боли захотелось стать тем, кем я и был всю жизнь, к чему у меня всегда лежала душа: читать хорошие книги, писать о них, думать о смысле жизни, стать писателем или философом, написать свою книгу, причем написать так, как никто еще не писал, и это была не гордыня, не тщеславие, это было искренняя потребность поделиться тем, что постепенно вызревало в душе и требовало выплеснуться не только для самовыражения и самореализации, а прежде всего для того, чтобы найти единомышленников, а еще вернее, единоверцев. Мое одиночество искало общения с такими самыми, каким был я. Я жил в пустыне, но пустыня была не для меня.

Не всегда одиночество было тяжестью, оно бывало и вдохновением.

Я не был человеком толпы, иногда я даже любил одиночество.

Скажу больше: я никогда не понимал людей, которые никогда не любили одиночество.

Одиночество — благо для того, кто хочет подумать, кто он есть, куда направляется, правильно ли живет и прочее.

Но в больших количествах одиночество может принести и вред, оно как лекарство, которое может стать и ядом.

Я снова подумал о Грине.

Отшельник Грин наверняка об одиночестве думал так же как и я.

Недаром у меня к нему так лежит душа, как и к Антону Чехову, тоже известному отшельнику.

Так что же “эпиграф”, не просто “эпиграф”, а “Мой эпиграф”?

Очевидно, Грин примерял эти слова на себя и они вошли в его плоть и кровь, или вернее, они раскрыли сущность его души, его мировоззрения, его метафизики настолько полно, что он назвал его “Моим”.

Эту тайну я постараюсь разгадать и с этого завтра начну свой день.

Часть первая.

Вторжение.

Глава пятая.

Хмурое утро.

Утро выдалось хмурым и ненастным, по небу плыли чер-

ные облака, выл ветер, а тротуары превратились в реки, потому что дождь, начавшийся ночью утром, перешел в настоящий ливень.

Настроение у меня было под стать погоде.

Дэзи продолжала хранить молчание.

Мой отпуск подходил к концу, а я не горел желанием выходить на работу, потому что мой босс требовал от меня под угрозой увольнения повернуть грязную финансовую аферу, на что я не соглашался, но и оставаться без работы и куса хлеба мне тоже не улыбалось.

В то же время в мою тоску вплеталось возбуждение, исследовательский азарт, связанный с удивительными событиями последних дней.

Все это будоражило мое воображение, я не знал, с какого конца начинать распутывать этот запутанный клубок тайн, и вчера решил, что начну с самого простого, как мне казалось тогда, а именно: с разгадки эпитафия, причем “Моего эпитафия”, как подчеркнул голосом Грин.

Я так до сих пор и не понял, почему для него это слово “мой” было таким важным.

Еще вчера перед сном я не сдержал данного себе обещания начать “раскопки” сегодня утром, и открыл первые страницы книги, остановившись на этом эпитафие. Он вообще был единственным во всем романе и предвещал всю книгу “Бегущая по волнам”.

Вот его текст:

«Это Дезирада... О Дезирада, как мало мы обрадовались тебе, когда из моря выросли твои склоны, поросшие манцениловыми лесами».

Ниже было написано, что это цитата из произведения некоего Шадурна под названием “Где рождаются циклоны”.

Само название “Дезирада” ласкало слух, звучало как небесная музыка, в нем было что-то от звездного сияния.

“Де-зи-ра-да”, “Де-зи-ра-да”, – без конца повторял я, перекатывая во рту эти звенящие и рокочущие звуки, напоминающие шум горного ручья, первые два слога которых складывались в имя прекрасной рыжеволосой Дэзи.

Я лег спать, закрыв вчера книгу, но долго не мог уснуть.

А сегодня утром с трудом разыскал среди сотен книг у себя в библиотеке испано-русский

словарь, так как раньше он был мне без надобности и выяснил, что это слово испанского происхождения, и означает “желанный”. В то время интернета у меня не было, как и во всей стране, а плестись под ливнем за пять кварталов от дома платить в районную библиотеку мне не хотелось.

Книги неизвестного мне Шадурна у меня не было, а что собой представляют “манцениловые леса” я не имел ни малейшего понятия.

Также я не знал, реально ли существует эта Дезирада или это плод фантазии Шадурна.

В общем мои поиски пока не увенчались успехом.

Но было непонятно, почему такая желанная земля принесла при своем появлении так мало радости тем, кто так стремился ее увидеть.

Я решил завтра же разыскать эту книгу Шадурна.

С тяжелой головой под неумолчный шум дождевых потоков я завалился спать, так как ночной сон не принес мне восстановления.

И уже засыпая, вдруг почувствовал, что ответ на тайну эпитафы нужно искать именно в книге Шадурна.

Ответа не было. Но впервые мне показалось, что искать нужно именно здесь."

Часть первая.

Вторжение.

Глава шестая.

Манцениловое дерево.

Седая библиотекарьша посмотрела на меня недоумевающе:

– Василий Петрович, у нас нет этой книги. Это очень ред-

кая книга. Вам нужно поискать ее среди букинистов или обратиться с запросом в центральные библиотеки Москвы и Петербурга.

– Хорошо, Антонина Васильевна, а другие книги Шадурна у вас есть?

– Нет, никаких других книг Шадурна у нас нет.

– А кем был этот писатель, какие еще книги он написал, что он был за человек, почему Александр Грин именно его книгу использовал для своего эпиграфа?

– К сожалению, Василий Петрович, и здесь наша библиотека ничем вам помочь не может. Вы сами понимаете, многие писатели в СССР не проходили проверку на идеологическое соответствие советским стандартам в определенные исторические периоды. Очевидно, писатель Шадурн относился к этой же категории писателей.

– Может, он был писателем из породы пишущих приключенческие романы в духе Майн Рида, Жюль Верна и Фенимора Купера? Но ведь их романы в советское время издавались многократно и громадными тиражами.

Чем же мог не угодить Советской стране Шадурн?

– Возможно, в его книгах рассказывалось о так называемом “бремени белого человека”, как это было в книгах, например, Редьярда Киплинга. Это только мое личное предположение.

Я поблагодарил любезную Антонину Васильевну и поки-

нул библиотеку.

Итак, мне следовало продолжить поиски.

Но поход в библиотеку все же принес кое-какие результаты.

Я узнал, что остров Дезирада существует реально, а не плод воображения писателя Шадурна.

Он находится недалеко от берегов Центральной Америки.

Само название остров получил в результате своего открытия экспедицией Христофора Колумба.

Но самой интересной мне показалась информация о манцениловых лесах.

Оказывается, манцениловое дерево, или, его еще называют, манцинелловое, самое ядовитое и опасное дерево на планете.

Вот что я прочитал в специальной литературе об этом дереве.

Манцениловое дерево (мне хочется его название произносить так, как оно упоминается у Шадурна) смертельно опасно для человека. Если сок дерева

попадет на кожу человека, ожоги гарантированы. То же самое грозит тому, кто рискнет спрятаться под его кроной во время дождя: капли, стекающие с листьев, тоже опасны. Дым от сжигания древесины этого дерева вызывает воспаление глаз и может привести к слепоте. Но самая серьезная угроза исходит от его плодов, похожих на яблоки: вызываемый ими

яд разъедает желудок изнутри и человек погибает. Источник проблем – сок, содержащийся во всех частях дерева.

Второе название этого дерева – “дерево смерти”.

Растет оно не только на острове Дезирада.

Оно растет на других островах Карибского моря, на Багамах, в Мексике, в штате Флорида, Центральной Америке и северной части Южной.

У местных жителей всех этих районов бытует общая поговорка: “Уснул под манценилой – уснул навсегда” и это не легенда.

Получается, что желанная земля для моряков, так жаждавших ее увидеть, оказалась землей смерти.

Что же это значило для Александра Грина, выбравшего эпиграфом, да еще “моим” для своего метафизического романа “Бегущая по волнам”?

Об этом предстояло подумать.

Часть первая.

Вторжение.

Глава седьмая.

Кто я такой, что меня выбрала Дэзи?

Итак, решить тайну “моего эпиграфа” Грина с наскока у

меня не вышло.

Может быть, мне попытаться решить другие загадки, например, почему и Дэзи, и Фрэзи, и Грин сошлись во мнении, что я их устраиваю в каком-то их едином общем замысле.

Например, Дэзи меня выбрала, Грин понял причину ее выбора, а Фрэзи, заявила, что хотя я и не Томас Гарвей, это не важно. Значит и автор, и две оживших его литературных героини решили, что во мне есть что-то, на что они обратили особое внимание и выделили меня из остальных. Но что было во мне таким уж особенным?

Я никогда не считал себя каким-то особенным.

В детстве не выделялся ни силой, ни храбростью, ни геройством.

На уроках физкультуры по успеваемости был ближе к концу, чем к середине.

Но следует признать, что по большинству других школьных дисциплин, особенно таких гуманитарных, как история, география, русский язык и литература, мои отметки за все десятилетнее время обучения редко опускались ниже “хорошо”.

Своей успеваемостью я не кичился и нос не задираю, всегда был готов помочь школьным товарищам по любым пред-

метам, где чувствовал себя способным на это.

В компаниях сверстников ни в каких играх или затеях никогда не был заводилой, редко и плохо играл в футбол, баскетбол и настольный теннис, зато любил и умел плавать и гонять на велосипеде, а во дворе часто выигрывал в шахматах у ребят моего возраста и даже немного старше, но и тут особых вершин не достиг, хотя восхищался Чигориным, Алехиным, Капабланкой, Талем и Ботвинником.

Помню, как однажды с моим другом Сережкой Цветковым, старше меня на год, мы вдвоем доплыли до волнолома в нашей портовой бухте, а потом, не останавливаясь обратно, проплыв в обе стороны, наверное, километра три. До сих пор не пойму, как нас, четырнадцати- и пятнадцати-летних мальчишек не задержали и мы избежали неприятностей.

Я рос очень живым и общительным ребенком, верил всему тому, чему учили в школе, обожал читать про войну, приключения на море и на суше, путешествия в дальних странах, разведчиков, шпионов и партизан.

Я искренне верил, что мы строим самое лучшее и счастливое общество в мире.

Моими любимыми книгами были не только романы, повести и рассказы Жюль Верна, Майна Рида, Фенимора Купера, Вальтера Скотта, Роберта Стивенсона, Конана Дойла, Герберта Уэллса, Льва Кассиля, Аркадия Гайдара, Вениами-

на Каверина, Валентина Катаева, но и, как я сейчас понимаю, опусы о детстве, школьных годах и революционной деятельности Володи Ульянова, ставшего впоследствии Владимиром Ильичем Лениным.

Еще я очень мечтал стать пионером и комсомольцем, и был очень счастлив, когда эти мечты осуществились.

С понравившимися девчонками я всегда робел, а с вступлением в пору отрочества и, особенно, юности и молодости я стал просто болезненно застенчивым.

Например, в 22 года я ехал в киевском метро и какая-то очень милая и симпатичная девушка сказала с улыбкой мне что-то очень доброе и хорошее, я же не расслышав ее слов в ответ только неловко улыбнулся и пробормотал какую-то несуряницу в духе “да, конечно”, хотя с чем именно соглашался не имел ни малейшего понятия.

К девушкам и женщинам очень долгое время я относился как к небожителям, хотя у многих моих сверстников подобное отношение вызывало только насмешки.

Я был влюбчив, и свои чувства изливал в стихах, а моими любимыми поэтами были Сергей Есенин, Александр Блок и Михаил Лермонтов, причем последнего я ставил выше Александра Пушкина.

Еще я был органически не способен врать и не любил слушать сальные анекдоты.

Что же нашла во мне Дэзи?

Все началось с книжки Грина, а потом пошло-поехало.

Я раскрылся навстречу ей как цветок раскрывается солнцу.

Может потому, что почувствовал в ней родной огонек?

Насчет огонька.

Иногда он не горит во мне, а мерцает, но я очень стараюсь, чтобы он не погас окончательно.

На улице уже темно, а я стою на балконе и смотрю, как в окнах домов напротив один за другим зажигается свет.

Самое главное в жизни это свет, свет, который горит в душе каждого, но не каждый хочет или может его пронести до конца, да и есть ли вообще этот конец, может путь никогда не кончается, и все дело только в неугасимости света и бесконечности пути?

Верно, Дэзи?

Часть первая.

Вторжение.

Глава восьмая.

Синий понедельник.

Мой отпуск закончился и я вышел на работу.

Настроение у меня было неважное: Дэзи не появлялась, загадки не разрешались, а самое главное: я должен был или уступить ультиматуму босса и совершить должностное преступление или остаться без работы.

Улучшению моего настроения не способствовала и песня

из кабины водителя маршрутки, в которой я добирался до станции метро, чтобы потом окончательно пешком дойти до офиса большой фирмы в центре города.

Маша Распутина жизнерадостно пела песню про “синий понедельник”, в которой был такой припев:

“ Ой, непросто жить, непросто жить честным девушкам без денег,

А дружок мой как бревно лежит в этот синий понедельник.

Он меня, красавец писанный, ну, ни обует, ни оденет.

Ой, идти придется к лысому в этот синий понедельник.

Ой, идти придется к лысому в этот синий понедельник.”

Совсем некстати я вспомнил, как моя жена пять лет назад после шести лет не очень счастливого брака ушла к очень богатому бизнесмену, связанному с криминальным бизнесом в медицине.

Моего босса нельзя было назвать отъявленным негодяем.

Внешне и своими манерами, и речью, и всем своим видом он производил впечатление делового, умного, энергичного и даже интеллигентного человека.

На стене у него висел портрет президента нашего государства, а под этим портретом немного в сторонке, но так, что не заметить было невозможно, висела фотография моего босса вдвоем с этим главой страны, пожимающими друг другу ру-

ки.

Когда-то много лет назад я и мой босс жили в одной комнате в студенческом общежитии и были в приятельских отношениях. Тогда, конечно, никаким боссом он для меня не был, и я звал его Стасиком, а он меня Васильком. После института наши пути разошлись, а потом, как это иногда бывает в жизни, пересеклись на премьере одного зарубежного художественного фильма, где оба обрадовались друг другу и он перетянул меня к себе, предложив должность бухгалтера-ревизора. Я согласился и несколько лет проездил по Украине в бесчисленных многодневных командировках.

Стоило мне перейти на работу в компанию моего бывшего студенческого приятеля, и его отношение ко мне изменилось с радужного и доброго на вежливый и деловой тон.

Хотя меня это задело, я принял это к сведению и проведенную Станиславом Михайловичем черту никогда не пересекал.

У моего босса сложился свой круг ближайшего окружения, которое очень быстро делало карьеру, обрастало связями, ездило за границу и улучшало свое финансовое состояние.

Я же после развода с женой и разделом имущества жил в двухкомнатной сталинке,

имел по относительным меркам для фирмы, в которой я работал, весьма посредственную зарплату и никаким особым расположением Станислава Михайловича не пользовался.

За время своей работы в фирме я узнал немало неприглядных фактов из личной и деловой жизни своего босса, но, как и все сотрудники компании, “молчал в тряпочку”, сравнивая свою работу с общей ситуацией на трудовом рынке страны.

Здание центрального офиса в центре города постоянно перестраивалось и разрасталось, а под сурдинку рос и разрастался и дом главы нашей фирмы, но об этом было не принято говорить.

У меня нет никаких сведений, был ли связан наш босс с мафиозными кланами, но то, что он был вхож в большую политику говорило о многом. Период первоначального накопления капитала в постсоветских государствах ничем не отличался от такого же процесса в западных странах, если не сказать еще жестче.

Недавно мой босс заговорил о слиянии своей компании с другой компанией и процесс переговоров шел достаточно успешно.

Однако части сотрудников нашей фирмы в результате слияния грозило увольнение по сокращению штатов, так как существовал план по оптимизации расходов, увеличения прибыли и дополнительному выпуску акций.

Кстати, во мне до сих пор жила обида на несправедливость по отношению ко мне, допущенную боссом, когда пару лет назад происходила ремиссия акций, а я находился в командировке, ни босс, ни его ближайшее окружение, даже ни

один сотрудник компании не позаботились, чтобы сообщить мне об этом.

В результате перевыпуска акций компании моя единственная акция обесценилась и стала стоить сущие копейки, на которые можно было купить в магазине разве что килограмм сыра.

Перед моим уходом в отпуск Станислав Михайлович пригласил меня в свой кабинет и выставил ультиматум:

или я сфальсифицирую отчетность с таким расчетом, чтобы часть прибыли компании утаить от налогообложения, чтобы затем ее направить на выплату дивидендов держателям акций, или я буду уволен по сокращению штатов.

Срок дедлайна моего ответа он установил первый день возвращения моего из отпуска.

С тяжелым сердцем я переступил порог своего кабинета.

Не успел я сесть за стол, как мой телефон зазвонил, и голос секретарши босса Ниночки сказал:

– З виходом вас із відпустки, Василь Петрович. Вас терміново викликає до себе Станислав Михайлович. Будь ласка, зайдіть до нього зараз.

Часть первая.

Вторжение.

Глава девятая.

Разговор с боссом.

Едва я вошел в приемную, Ниночка нажала кнопку на телефоне и прощебетала:

—Станиславе Михайловичу, Василь Петрович вже тут.

Затем выслушав ответ, она с улыбкой взглянула на меня и произнесла:

—Заходьте, Станислав Михайлович чекає на вас.

Я отворил двойную дверь и вошел в просторный кабинет босса, который сидел за столом из красного дерева, обложенным разными бумагами и заставленным монитором компьютера, разными переговорными устройствами и телефонами. К этому столу тянулся другой стол длиной не меньше 10 метров, тоже из красного дерева, по бокам которого стояли мягкие удобные стулья с изогнутыми спинками.

Сам босс сидел в черном кресле, сиденье со спинкой которого могло вращаться по желанию сидящего в нем.

Станислав Михайлович вышел из-за стола и протянул для пожатия свою крепкую загорелую руку. Он был высок и строен, в нем чувствовалась выправка военного десантника, глаза смотрели мягко и доверчиво, длинные казацкие усы делали его похожим на Тараса Бульбу, а сам он любил подчеркнуть свой патриотизм и нелюбовь ко всему русскому.

Говорил он всегда мягким голосом и только по-украински и очень не любил, когда ему отвечали по-русски.

На нем была украинская вышиванка и светлые брюки.

– Радий тебе бачити, Василь, – сказав он, улыбаясь в усы и ощупывая меня глазами.-- Як тобі відпочивалось? Де був, кудись мандрував?

Он сделал широкий жест, приглашая меня садиться.

–Був у Бердянську, потрібно було вирішити деякі справи відносно квартири, що залишилася після батьків, а потім відпочивав у пансіонаті поблизу цього міста.

– Гаразд, Василь.

Ну що, з новими силами до робити?

Ти міркував над моєю пропозицією?

–Так, міркував, Станиславе Михайловичу.

–Той що?

–Я не можу цього зробити.

–Чому це ти не можеш?

Ти, напевно, не розумієш усієї важливості цієї справи.

Ми досягли кропіткою та нелегкою працею домовленості по об'єднанню наших активів з однією з ведучих компаній нашої країни. Це дуже розширює перспективи нашого бізнесу. Ми навіть можемо з часом вийти на міжнародний європейський ринок, не кажучи вже про Росію та країни пострадянського простору.

А для цього потрібно показати нашим партнерам нашу

фірму з найкращої сторони та стимулювати інвестиції з їхнього боку в наш тепер суспільний бізнес, а також привабити їх ростом ціни наших акцій та можливістю в майбутньому отримувати за акціями більші здобутки, ніж зараз.

—Я все розумію, Станиславе Михайловичу, — я покраснел і покryвся испариною — але я не можу цього зробити.

Босс недоумевающе посмотрел на меня. Его глаза сердито заблестели.

—Ти розумієш, що на карту поставлен благоустрій наших працівників, усі вони акціонери нашої компанії. Невже вони не заслуговують на покращення фінансових умов своєї праці?

До речі, я визнаю свою помилку у минулому, коли ти так і залишився з однією акцією нашої фірми. Я виправляю цю помилку, і ти ніколи не пошкодуєш, що зважився на мою пропозицію. Я навіть згоден ввести тебе в коло моїх близьких друзів з мого оточення.

Босс хмурился и пожирал меня глазами.

Я молчал, не подымая глаз.

В воздухе повисла тяжелая пауза.

—Так що?-- сурово спросил меня босс.

–Звиняйте, Станиславе Михайловичу, я не можу цього зробити.

Босс начал терять терпение.

–Не примушуй мене застосовувати до тебе інші засоби переконання. Мені дуже не хотілося цього б робити.

Я молчал, опустил голову.

–Василь, ми не перший рік знаємо один одного. У нас з тобою завжди були гарні відносини. Я поважаю тебе як гарного бухгалтера та добру людину. Ти неодноразово доводив свою щирю відданість нашій компанії. Пропоную тобі ще раз зважити усе те, що ти зараз почув.

Ти можеш усе втратити, бо я можу хоч зараз тебе звільнити та перешкодити твоєму новому працевлаштуванню будь де. Ще раз прошу тебе не відмовляти мені.

Босс пристально посмотрел на меня.

Я молчал.

– Якщо прямо зараз ти не даш згоду, я тебе звільню!-- босс повысил голос.-- У мене є ще кому доручити виконання цієї справи, і вони з захопленням її виконають!

Неожиданно для себя я встал со стула,и глядя прямо в гневное, покрытое красными пятнами, лицо босса, спокойно сказал:

– Звільняйте мене, Станиславе Михайловичу.

Босс изумленно посмотрел на меня, помолчал, а потом тоже спокойно сказал:

–Наказ про твоє звільнення буде оголошений негайно. Тебе звільнено. Йди.

У меня закружилась голова, изо всех сил стараясь сохранить равновесие, я повернулся лицом к двери, вышел из кабинета босса, и не глядя на секретаршу, покинул приемную.

Грин, я и Бегущая по волнам.

Часть первая.

Вторжение.

Глава десятая.

Я остаюсь без работы.

Выйдя из приемной, я, стараясь не упасть, дошел до туалета, закрылся и умылся холодной водой.

Головокружение прошло.

Я вышел и, держась очень прямо, минуя бесчисленные переходы, коридоры и лестницы дошел до своей бухгалтерии,

миновал ее, вошел в свой кабинет и пригласил своего заместителя, очень умную и знающую Веру Павловну, которая уже месяц исполняла мои обязанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.